

**РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ В СТРУКТУРЕ «МАЛЕНЬКИХ ПРИТЧ»
МОНАХА ВАРНАВЫ (САНИНА)**

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

(Поступила в редакцию 15.09.2022)

Книга монаха Варнавы (Санина), озаглавленная «Маленькие притчи. Избранное», включает в себя много притч, источником которых послужили русские пословицы и поговорки. Особое место в ней занимают художественно-иносказательные миниатюры, где раскрыты ключевые понятия православного учения о мире и человеке (Бог, грехи, греховные страсти, добродетели, покаяние, спасение души, рай, ад и др.). Цель статьи – определение идейно-художественной роли русских пословиц, а также особенностей их смысловой трансформации в структуре притч монаха Варнавы, посвящённых тематике православной антропологии («Бог – вера», «грех – покаяние и спасение души»).

Автор «Маленьких притч» использовал не только пословицы, бытовавшие в народных массах под влиянием учения Православной церкви, но и те фольклорные изречения, которые не связаны с религиозным мировоззрением и обобщают многовековой универсальный опыт житейской мудрости. Обращаясь к пословицам религиозного содержания, представляющим в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа» тему «Бог – Вера» [1, с. 22], православный писатель исходил из убеждения в том, что вера в Бога издавна глубоко укоренена в народной душе («Народная мудрость», «Отступление», «Не та дорога», «Премудрость», «Благодушие», «Вольный выбор»). «Как на сердце, так и на пословицы русского народа вера и благочестие положили священную печать свою. Начиная и оканчивая дела свои с Богом, он славит святое имя Его, и в своих пословицах», – утверждал фольклорист и этнограф XIX в. И. М. Снегирёв [2, с. 19]. В основу

вышеназванных текстов притч положены следующие пословицы: «*Кто к богу, к тому и бог*» [1, с. 23]; «*Без бога ни до порога*» [1, с. 26]; «*Человек предполагает, а бог располагает*» [1, с. 23]; «*Господня воля – наша доля*» [1, с. 25].

В притче «Народная мудрость» пословица «Кто к богу, к тому и бог» – один из компонентов диалога между персонифицированными действующими лицами произведения – верой и недоумением. Ответ веры «Кто к Богу, к тому и Бог» [3, с. 270] звучит как свидетельство не подвластной рациональному объяснению сокровенной связи человеческой души с Богом – Творцом. Аналогичную коммуникативную функцию выполняет пословица в тексте диалогической притчи «Благодушие», где из уст «одного бедного и больного человека» [3, с. 238] исходит христианская истина: «Господня воля – наша доля!» [3, с. 238]. Пословица служит средством, организующим учительный дискурс произведения. В. И. Тюпа относит притчу к одному «из протолитературных нарративов, для которых учительство, назидание является определяющей коммуникативной целью» [4, с. 34]. Дидактический вывод проистекает из ответа носителя христианской добродетели благодушия-смирения: «И тогда самая тяжёлая скорбь становится легче пуха!» [3, с. 238]. Притча в форме поэтического изречения, образованная по принципу аналогии, источником которой также является пословица «Господня воля – наша доля», структурно трансформирована автором как «Вольный выбор». В ней, согласно учению Православной церкви, утверждается вера в зависимость участи человеческой души в загробном мире от выбора людьми на протяжении земного пути жить по Божьим заповедям или, напротив, следовать своей греховной воле: «*Какова на земле наша воля, / Такова и Небесная доля!*» [3, с. 192].

В притче под заглавием «Премудрость», представляющим собой богословское понятие, пословица «*Человек предполагает, а бог располагает*» [1, с. 23] перестроена автором-монахом в нарратив, предельно

абстрагированный от конкретных хронотопических примет: *«Человек предполагал. / А Бог располагал. / И – спас человека!»* [3, с. 114].

Притча приобретает акцентированно-дидактическую смысловую доминанту, чем отличается от пословицы, основная идея которой выводится на основе не только непреложных христианских истин, но и не всегда согласующейся с ними повседневной практики обыденных наблюдений погружённых в мирскую суету многочисленных поколений людей. В. П. Жуков разъясняет смысл данной пословицы и условия её употребления в речи следующим образом: *«Говорится тогда, когда жизненные обстоятельства складываются у кого-либо не так, как он думает, хочет, рассчитывает»* [5, с. 349].

Притча «Спасительный круг» – результат авторского преобразования идейно-художественной структуры пословицы *«На бога надейся, а сам не плошай»* [3, с. 326] с целью усиления заключённого в её первой части назидательного смысла: *«На Бога надейся, а сам не плошай! / А чтобы не оплошать – опять надейся на Бога!»* [3, с. 326].

Образованное посредством пословицы императивное изречение ориентирует адресата на христианскую веру в Божью помощь.

В основу притчи «Отступление», поэтическими особенностями которой являются противопоставление и риторический вопрос, положена пословица *«Без бога ни до порога»* [1, с. 26]. Обращение к народной мудрости позволяет автору-монаху утвердить в качестве жизненного идеала благочестивый уклад жизни предков и выразить критическое отношение к современникам-богоотступникам: *«Без Бога ни до порога. / Так жили наши предки. / А как живём теперь мы – до порога и от порога?»* [3, с. 374].

Сходным образом приведённая выше пословица трансформируется писателем в притче «Не та дорога». Однако в данном случае с помощью риторического вопроса актуализируется тема посмертной адской участи богоотступников: *«Если дорога от порога не до Бога... / Говорить ли – куда та дорога?»* [3, с. 265].

Довольно обширный пласт в книге монаха Варнавы составляют назидательно-иносказательные миниатюры, непосредственно с тематической точки зрения не связанные со своими источниками из пословичного фонда русского народа («Беда», «Ум за разум», «Мнения», «Предупреждение», «Маленький грех», «Без покаяния», «Поздняя встреча», «Лежащий камень», «Чистота веры», «Непонятное» и др.). Так, источником для притчи «Беда» писателю послужила пословица, зафиксированная в сборнике В. И. Даля в тематическом разделе «Горе – Обида»: *«Пойдёт (или: Повадится) беда – растворяй ворота!»* [1, с. 119]. В. П. Жуковым значение пословицы «Пришла беда, отворяй (растворяй, открывай) ворота» [5, с. 267] разъясняется вне всякой связи с религиозными переживаниями и взглядами: «Если случилась какая-л. беда, то вслед за ней жди другую» [5, с. 267]. В тексте притчи эта пословица, произнесённая от лица беды, адресована хозяевам, которые, «широко распахивая ворота» [3, с. 62] перед незваной гостьей и приглашая её в свой дом, говорят: *«Просто мы и тебя, и радость принимаем, как из руки Самого Бога, зная, что Он всё посылает нам для нашей же пользы!»* [3, с. 62]. История, изложенная в притче, фабульной основой которой является пословица, обобщающая опыт извечных наблюдений людей, касающихся различных бедственных ситуаций, иллюстрирует должное с христианской точки зрения отношение человека ко всему, что происходит с ним в жизни. Хозяева, незлобиво встречающие беду, – идеальные субъекты христианского выбора смирения, репрезентирующие отречение от своей, повреждённой грехом воли и послушание Божьей воле.

Монах Варнава плодотворно использует смысловую ёмкость, присущую многим пословицам. Буквальное и переносное значения, заключённые в пословице *«Коготок увяз – всей птичке пропасть»* [5, с. 143], например, раскрываются в их взаимодействии в сюжете притчи «Маленький грех». Автором притчи прямое значение пословицы передано с помощью образа одним коготком зацепившейся в силке большой и сильной птицы: *«Но*

и этого оказалось достаточно, чтобы не смочь освободиться. / Как говорится в народе: / “Коготок увяз – всей птице пропасть!”» [3, с. 318].

«Стоит лишь поступиться чем-либо, начать какое-либо предосудительное дело, как, втянувшись, уже не сможешь из него выпутаться», – истолковывает иносказательный смысл этой пословицы В. П. Жуков [5, с. 143]. Согласно В. И. Далю, тема пословицы «Ноготь увяз – всей птичке пропасть» – «Горе – Беда» [1, с. 108]. Писателем душа милосердного христианина уподоблена спасённой им птице, а её коготок – «маленькому» греху, который необходимо исповедовать: *«Пожалел человек птицу и освободил её. / А потом и душу свою пожалел. / Вернулся в храм и исповедовал тот самый – только недавно казавшийся неопасным маленький грех» [3, с. 318].*

В притче выражено предостережение против снисходительного отношения к тем своим грехам, которые нередко кажутся незначительными, показано значение для духовно-нравственного роста и спасения души покаяния. В произведении открывается и смысловая глубина пословицы, избранной писателем для решения своей учительной задачи.

Некоторые притчи монаха Варнавы, раскрывающие темы «Бог – вера», «Грех – покаяние и спасение души» и созданные на основе тематически не связанных с ними русских пословиц, не выходят за границы поэтики жанровой разновидности притчи-изречения («Своя рубашка», «Предупреждение», «Лежачий камень», «Поздняя встреча», «Без покаяния»). Обращение писателя к пословицам в значительной степени обусловлено тем, что этот малый фольклорный жанр имеет с притчей общие черты: назидательность, сжатость и выразительность языка, иносказательность. Л. Е. Тумина определяет как «структурный тип притчи» [6, с. 58] притчи-пословицы, в которых «дидактическая идея находит максимально концентрированные формы выражения» [6, с. 58]. В. И. Тюпа, рассматривая коммуникативную стратегию притчи как одного из «исторически продуктивных пра-художественных жанров» [7, с. 84], отмечает:

«Риторическим пределом притчи выступает поговорка (пословица)» [7, с. 88]. В соответствии со своей назидательной целью христианский писатель остроумно в оригинальном иносказательном ключе трансформирует переносное значение поговорок. Так, идейно-религиозный смысл притчи «Лежащий камень» существенно отличается от значения, заключенного в поговорке «*Под лежащий (под лежащий) камень <и> вода не течёт*»: «Если ничего не предпринимать, дело не сдвинется с места, ничто не изменится» [5, с. 256]. Мудрое народное изречение развёртывается в притчу о духовно преобразующей душу человека силе живой, истинной веры в Бога: «*Под лежащий камень вода не течёт. / Если только это не живая вода веры. / Она и лежащий камень поднять может! / Только бы он снова потом не залёг...*» [3, с. 471].

В притче «Предупреждение» прямое и переносное значения поговорки «*На воре шапка горит*», иллюстрирующей, согласно В. И. Далю, тему «Мошенничество – Воровство» [1, с. 125], соотносятся со сформированными в православном учении представлениями о посмертном состоянии души грешников. Притча включает в себя названную выше поговорку и риторический вопрос, посредством которого выражена назидательная мысль о необходимости покаяния, о невозможности сокрыть в загробной реальности ни один грех от Божьего суда: «*На воре и шапка горит. / А что же тогда с ним в геенне огненной будет?*» [3, с. 338].

В притче «Без покаяния», структурным компонентом которой является поговорка «*Всё перемелется – мука будет*» [5, с. 76], функции идейно-смысловых генераторов выполняют омографы «мука́» – «му́ка»: «*Всё перемелется – мука будет. / Так-то оно так. / Но без покаяния – вечная му́ка*» [3, с. 369].

Свою религиозно-дидактическую позицию писателя Православной церкви монах Варнава утверждает в притчах, созданных на основе поговорок, выражающих духовно искажённые личностные представления о предметах веры («Умный дурак», «Умный “дурак”», «Губительная поговорка»).

Например, структурный компонент притчи «Губительная пословица» – известное пословичное суждение, которое автор-монах опровергает как чуждое православной антропологии, предостерегая от душепагубных последствий духовных заблуждений: *«Успокаивал себя грешник пословицей: / “Не согрешишь – не покаешься!” / Пока однажды, согрешив, не успел покаяться!»* [3, с. 182].

Примечательно, что В. И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа» связанные друг с другом по смыслу пословицы «Не греша, не спокаешься; не спокаявшись, не помолишься; не молясь, не спасешься (раск.)» [1, с. 31] помещены под рубрикой «Изуверство – Раскол» [1, с. 30]. Притча «Умный “дурак”», создана в результате критического переосмысления пословицы *«Заставь дурака богу молиться, он и лоб разобьёт (расшибёт)»* [1, с. 347], включённой В. И. Далем в тематический раздел «Ум – Глупость» [1, с. 336]. Автор притчи переключает сознание адресата с его обыденно-прагматического уровня, когда главными ценностями являются земные блага, на постижение сокровенной душеполезной мудрости, на принципы высшего нравственно-религиозного порядка, соединяющие душу человека с Богом: *«Заставили считавшие себя умными люди дурака Богу молиться. И давай смеяться над ним – что он лбом пол прошиб. / А пол-то, как оказалось, потолком был. / Открывавшим ему путь к Небу!»* [3, с. 456].

Таким образом, рассмотренные выше «Маленькие притчи» монаха Варнавы (Санина) представляют собой плодотворный опыт идейно-художественной трансформации пословиц и их интеграции со структурой притчи с целью раскрытия сжатым и выразительным языком таких тем православного учения о человеке, как «Бог – вера», «грех – покаяние и спасение души». Некоторые художественно-иносказательные миниатюры писателя, структурным компонентом которых являются пословицы, образуют оригинальную авторскую модификацию притчи-пословицы. «Маленькие притчи» монаха Варнавы – свидетельство продуктивного

взаимодействия фольклорной и литературной традиций, непреходящего значения жанровой преемственности в историко-литературном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 2 т. / В. И. Даль ; вступ. сл. М. Шолохова. – М. : Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с.
2. Снегирёв, И. М. Обзорение пословиц / И. М. Снегирев // Книга народной мудрости / И. М. Снегирёв. – М., 2014. – С. 12 – 36.
3. Монах Варнава (Санин). Маленькие притчи. Избранное / Варнава (Санин), монах. – М. : Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2014. – 495 с.
4. Тюпа, В. И. Нарративная стратегия притчи в литературной традиции / В. И. Тюпа // Притча в русской словесности: от Средневековья к современности / отв. ред. Е. Н. Проскурина, И. В. Силантьев. – Новосибирск, 2014. – 481 с.
5. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 8-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 2001. – 544 с.
6. Тумина, Л. Е. Притча как школа красноречия / Л. Е. Тумина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 368 с.
7. Тюпа, В. И. Литература как род деятельности: теория художественного дискурса / В. И. Тюпа // Теория литературы : учебное пособие для студентов филологических факультетов высших учебных заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М., 2004. – Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – С. 15 – 104.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрены идейно-художественная роль и особенности смысловой трансформации пословиц русского народа в структуре притч монаха Варнавы (Санина) из его книги «Маленькие притчи. Избранное». Установлено, что использование писателем в создании своих художественно-иносказательных миниатюр ёмких по смыслу пословиц позволило ему интегрировать народную и христианскую мудрость, лаконичным и выразительным языком раскрыть важнейшие темы православной антропологии («Бог – вера», «грех – покаяние и спасение души»). Сделан вывод о плодотворном вкладе монаха Варнавы (Санина) в развитие жанровой традиции притчи в современной литературе.

SUMMARY

The article examines the ideological and artistic role and features of the semantic transformation of Russian proverbs in the structure of the monk Barnabas (Sanin)'s parables taken from his book «Little Parables. Selected writings». The writer's use of compact proverbs in his artistic and allegorical miniatures has been established to allow him to unite both folk and Christian wisdom as well as to reveal the most important themes of Orthodox anthropology in a concise and expressive way («God and faith», «sin is repentance and salvation of the soul»). The conclusion about the monk Barnabas (Sanin)'s great contribution to the development of the genre tradition of the parable in modern literature has been made.

Чжан Мэнмэн

ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ

Белорусский государственный университет

(Поступила в редакцию 15.09.2022)

Питание человека – это больше, чем просто биологическое поведение. Система классификации продуктов питания, способы их получения, технология обработки, привычки питания, диетические предпочтения и табу, манера поведения за столом и т. д. имеют свои региональные и культурные аспекты, отражающие все виды социальных отношений и эстетического сознания различных сообществ. Об этом писал американский антрополог Сидни Уилфред Минц: «Поведение человека в еде определённно не является “чисто биологическим” поведением» [1, с.21].

Методы, используемые для получения, обработки, приготовления, подачи и потребления пищи, варьируются в различных культурах и имеют свою историю. В широком смысле культура питания есть сочетание материальной и нематериальной культуры, созданной людьми в процессе производства продуктов питания. В определённой степени она включает в себя технологии, науку приготовления пищи. В узком смысле культура питания относится к нематериальной культуре и основывается на обычаях, традициях, идеях и философии, связанных с едой и питьём. Таким образом,